

Трансцендентализм – термин непростой для выговаривания, в действительности, если разобраться, означает вещь, достаточно доступную для понимания. В первую очередь, если мы задумаемся над тем что, почему важен тот контекст, который стоит за этим термином, за этой проблематикой, то в действительности он очень актуален, несмотря на историческое возникновение этого термина (я расскажу, какое именно).

В наши дни понимание того, насколько актуален трансцендентализм, насколько он является современным, а не, так сказать, историко-архивной ценностью, от этого зависит понимание того, в какой степени человечество вообще и наука в частности может продвинуться в своем знании. Что мы можем знать, а чего мы знать не можем? То есть это традиционная, классическая постановка вопроса, непосредственно связанная с проблематикой трансцендентализма в философии, она никуда не делась, она по сию пору, на сегодняшний день, сохраняет свою важность.

Немного расскажу о самом термине. Трансцендентализм восходит к средневековой, во многом к схоластической, риторике. Там он употреблялся довольно часто, но не в том значении, в котором потом закрепился в философской традиции и стал обозначать гораздо более важные, такие, сюжетообразующие вещи, которые, вот, на сегодняшний день, часто имеются ввиду в связи с этим словом. Чаще после эпохи средневековья термин трансцендентализм вошел в философский обиход, благодаря стараниям Иммануила Канта, наиболее авторитетного философа, который предал этому понятию такой вес и статус, который на сегодняшний день и сохраняется. Тем не менее, было бы неправильно считать, что трансцендентализм или трансцендентальная философия, как часто говорят, являются детищем только Кантовского наследия и связаны только с Кантовской философией, это не так. В действительности, трансцендентализм в философии является неким направлением, неким способом философствовать, который был философией всегда, с момента зарождения самой философии. Кант предал некоторые нюансы, дал терминологическое обозначение, но не значит, что изобрел тот способ философствования, который всегда был. И в этом смысле правильно говорить о некой масштабной программе трансцендентальной философии, которая появилась, начиная с Сократа, начиная с Платоновской философии, сохранялась в античный период, будучи связанной, вот, с именами Сократа, Платона и Аристотеля, и через Кантовскую философию, через немецкую классическую философию перешла в двадцатый век, и может быть найдена также в философии, например, Витгенштейна – философа, который далек от философии немецкой классической традиции, но практикует тот же самый трансцендентальный метод. Также часто трансцендентальную философию отождествляют с феноменологией и с именем Гуссерля. Тоже не совсем верно. Правильней было бы говорить о том, что феноменология, конечно же, является частью трансценденталистской программы, безусловно является, так сказать, ближайшем воплощении философским этой программы, но не тождественна трансцендентализму, поскольку трансцендентализм как программа все-таки шире.

Ну, от терминов перейдем к самой сути: что подразумевается под этим направлением, этим стилем философствования. Наилучшим определением, наверное, такой, начальной формулировкой будет

формулировка, данная самим Кантом. В «Критике чистого разума» он дает определение трансцендентальному методу, говорит (немного переформулирую для упрощения), что трансцендентальный подход является таким... это такой подход, который интересуется не столько самими вещами, сколько тем, как возможны эти вещи.

Что такое «Как возможны эти вещи?» Это знаменитый такой философский оборот, который часто называют «условие возможности» в философии или «способ данности», так называемый. То есть речь идет о том, почему вещи являются такими, а не другими. Ну, тут нужно понять, о чем идет речь, потому что это кажется очень абстрактным. Приведем пример, чтобы сразу стало понятным, о чем идет речь: ну, вот, представим себе, что есть две планеты, которые никак не могут общаться друг с другом, две вселенные. По условиям задачи никакого прямого взаимодействия между ними нет, но на одной вселенной живет один человек, а на другой – другой, и одному из них очень хочется передать ценный груз со вселенной один на вселенную два. И, по счастливой случайности, единственный канал связи между вселенной один и вселенной два – это некий такой трубопровод (не производственный, а философский трубопровод), по которому можно передавать вот эти ценные грузы. И все бы прекрасно, но у этого трубопровода есть некоторая внутренняя структура. И, к примеру, человеку с вселенной номер один, который хочет передать груз на вселенную номер два, нужно передать, ну, допустим, золотые слитки. То, что хранится на вселенной два в виде золотых слитков ну никак не может сохраняться на вселенной другой, да?, в виде этих же самых слитков, потому что эта форма не сохраняется, она исчезает, она ионизируется и в условиях нашего физического мира никак существовать не может. А трубопровод осуществляет задачу трансформации этого материала таким образом, чтобы этот материал мог быть передан и сохранен в пределах другого мира. Но, поскольку у него есть некоторая внутренняя структура, то вот эти золотые слитки, которые мой неведомый посланник пытается мне передать и погружает их в этот трубопровод, трансформируются, эти слитки, и передаются на вселенную два, ну, допустим, в виде золотых звездочек. И таким образом груз удастся получить, но в виде определенной формы. Так вот, вот в этой знаменитой, может быть сложно понимаемой формулировке Канта, где речь идет о том, что мы должны уделять внимание не на сами вещи, а на способ данности или на то, как возможны эти вещи, речь идет именно о том, что, вопреки обыденному мышлению, причем обыденному не только когда мы говорим о человеке, обывателе, в хорошем смысле, но и ученом, вопреки стандартному мышлению, когда мы считаем, что вещи являются самым первичным, самым очевидным, самым таким непосредственным, с чем мы имеем дело, философ-трансценденталист говорит о том, что, в действительности, за вещами существуют некие правила, некоторые системные требования, если угодно, да?, некоторые структуры, которые позволили оформить эту вещь определенным образом и они являются действительно первичными. Только после того, как они свою работу произвели, вещь может быть получена, найдена и вообще состояться в качестве определенной вещи. Конечно, под вещами здесь не нужно понимать совсем обычные вещи, столы и стулья, которые нас окружают. Это в том числе и объекты науки, причем самые сложные, идет ли речь о струнах, о

волновых пакетах, протонах, электронах – о всем том, что может стать объектом для некоторого изучения. Философ-трансценденталист обращает наше внимание на то, что этот объект не является неким первым, с чем мы имеем дело, первым являются условия, которые дали ему рождение. Ну, это был такой, немножко, может быть, наивный пример. Не о трубопроводах, конечно, идет речь, когда мы думаем о трансцендентализме в связи с нами, с нашей жизнью, да?, ну, другим примером, может быть, к нам относящимся, собственной, вот это, трансцендентальной структуры является, например, логика. Логика, которой мы привыкли все пользоваться, и которая, так или иначе, является универсальной и всеобщей для всех людей, для всего человечества, вот, логика является таким типичным примером некой трансцендентальной структуры, о которой говорится таким образом, что прежде чем некий материал, например, материал мышления, то, с чем наша мысль может начать работать, прежде, чем этот продукт будет получен, он в обязательном порядке должен быть оформлен самой логикой нашего мышления. Еще примером может являться математика, тоже с некоторыми оговорками, и, конечно же, язык – вот тоже еще один претендент на некую трансцендентальную структуру, когда речь идет о том, что существуют некие системные, да?, вот, некие предваряющие порождения какого-то материала принципы, которые осуществляют свою форматистскую работу. Можно задаться таким вопросом: а как отличить, идет ли речь о форме собственно трансцендентальной, например, форме звездочки, да?, это, вот, трансцендентальная форма или это форма, которая является эмпирической, то есть присущей все-таки не трубопроводу, если угодно (да?, вот, я привела пример с золотым слитком; это же тоже пример, это же тоже какой-то объект)? Ну, главной иллюстрацией, вернее, главным критерием того, что мы имеем дело с трансцендентальной формой является то, что мы не можем себе представить другую форму. То есть (попробуем на примере логики посмотреть, так ли это) да?, действительно, придумать другие правила логики мы не можем. Придумать другую математику (есть, конечно, разные математики), но придумать радикально другую математику, да?, мы не можем. И еще один очень важный критерий, который как раз таки делает разговор о трансцендентализме актуальным, современным в наши дни, – это критерий, связанный с тем, что мы не только не можем сомневаться вот в этих вот трансцендентальных структурах, не можем представить себе другие, да?, они нам кажутся абсолютно истинными, удивительно то, что эти трансцендентальные структуры не присутствуют в мире самих объектов на правах самих объектов. То есть удивительное дело: с одной стороны, они являются самым существенным, самым ближайшим к нам, как, например, логика: без оформления внутри структур логики мы не можем мыслить, но если мы захотим сделать сам эту трансцендентальную структуру предметом наблюдения также, как мы хотим, например, наблюдать какой-нибудь физический объект или не обязательно физический, но любой другой объект, о котором может быть некоторое приращение информации, о котором мы можем сказать, что это такое. Вот, трансцендентальные структуры, как говорят специалисты (философы, логики), они всегда даны нам виде некоторых тавтологий. Вот, мы, вроде бы, чувствуем, что это такое, например, что такое время, но (каждый из нас знает, что это такое), но если

мы спросим себя или другого, – а что такое время? Дай мне определение времени – мы не можем дать определения, мы не можем дать некое информативное такое определение, которое имело бы некоторое приращение. То же самое с логикой. Бессмысленно спрашивать: «А почему, почему, например, существует тот или иной закон логики? Или почему он выглядит именно так?» Всегда можно спросить, например, почему птицы улетают на юг, и ученый вам всегда ответит и расскажет достаточно длинную цепочку причин и следствий, но мы чувствуем, что вопрос, например, а почему, ну, например, закон исключенного третьего, когда мы говорим, что одна и та же вещь не может одновременно и быть, и не быть; если кто-то спрашивает, а почему это так, мы тут же чувствуем, что этот вопрос попросту бессмысленный. Почему? Потому, что мы не можем рассказать историю этого закона.

Почему так происходит, почему мы не можем дать ответ на вопрос, отчего тот или иной закон существует, – именно потому, что данная структура совпадает с нами самими. Это, в каком-то смысле, есть мы сами, да, наша собственная способность оформлять тот материал, который мы получаем. И вот здесь, если это так, если такие трансцендентальные структуры действительно существуют, тогда здесь открывается очень важный, дискуссионный, актуальный вопрос, а именно – противостояние между трансцендентализмом как философией и противоположной позицией натурализма так называемого или эмпиризма, который считает, что таких структур в природе нет, есть только вещи, с которых мы начинаем, и, соответственно, мы можем их познавать до бесконечности. Вот, трансцендентализм говорит, что если подобные структуры существуют, то, несмотря на то, что они нам очень близки, несмотря на то, что они совпадают с нами самими, в мире они никак не проявлены. Вот, та логика, которой мы, к примеру, пользуемся, мы можем ею только пользоваться, но никакого знания о том, что это такое, почему она такая, почему она так сделана, быть не может.

Почему это актуально? Если сам субъект, к примеру, наше мышление, наше сознание, наш способ мыслить, оформлять и понимать мир является такой вот трансцендентальной машиной, ну, тогда, получается по этой логике, что мы можем ею пользоваться, что мы благополучно и делаем, но мы никогда не сможем получить знание о том, как эта программа написана, если угодно. (Трансцендентализм очень удачно поясняется с помощью компьютерных метафор.) То есть мы можем, вот, пользоваться этими структурами, но получить некоторое знание, содержательное, да, информативное такое, метазнание о том, что это такое мы не можем, потому что для этого мы должны были бы выйти за пределы вот этой своей трансцендентальной структуры, да, перестать быть этой программой, да, которая бесперебойно работает, оформляет внутреннее содержание, но увидеть себя в качестве некоторого объекта, сама эта программа не может. Поэтому, на сегодняшний день, если угодно, внутри эпистемологии и внутри различных практик знания, вот, актуален, сохраняется вот этот важный такой нерв напряжения познавательный: трансцендентализм или натурализм. Если трансцендентализм прав, то, по-видимому, человек не сможет получить окончательного знания о своем устройстве по той простой причине, что программа не сможет отождествиться с программистом.

Если же трансцендентализм не прав, и никаких, вот этих структур нет трансцендентальных, то тогда, по-видимому, познание человечества безгранично, бесконечно, и человечество может создавать себе подобных, как угодно клонироваться, создать искусственного человека, искусственное сознание, вот, весь комплекс подобных проектов, который интригует и завораживает современного ученого и обывателя в том числе. Вот тогда эта программа не имеет никаких ограничений и вполне реалистична в своих начинаниях. Трансцендентализм же здесь придерживается серьезного скептицизма и обосновывает, с чем это связано. Как раз с тем, что я попыталась изложить.